

«БОЛЬШОЙ БИЗНЕС» В ИНДИИ

ВЛ. ФЕДОРОВ

Кандидат исторических наук

В ЛЮБОМ делийском отеле проворные бои принесят вам кусок мыла, с которого вас обычно приветствует мультимиллионер Тата; вы путешествуете в автобусах и железнодорожных вагонах, сделанных на его заводах, на рисовых и хлопковых плантациях работают агрегаты, изготовленные компанией «Тата»; в бесчисленных офисах Калькутты вы видите холодильные установки и пишущие машинки все с тем же фирменным клеймом. Прыгающие огни неоновых реклам в городах назойливо умоляют вас носить одежду из текстиля Таты, пользоваться радиоаппаратурой Таты, есть масло Таты, лечиться медикаментами Таты... От детских игрушек до атомного центра — таков диапазон «деловых интересов» этого индийского мультимиллионера.

Стремительно нарастающая концентрация производства в руках узкой элиты всегда вызывала тревогу и протест прогрессивно настроенных людей страны. Это нашло свое отражение в решениях состоявшейся в январе 1964 года 68-й сессии правящей партии Индийский национальный конгресс, когда почти единогласно была принята резолюция о том, что в целях построения «общества социалистического образца» государство должно занимать все командные высоты в экономике. Властитель дум патриотических сил Индии Дж. Неру в последние годы своей жизни не раз выступал с резким осуждением всевластия «большого бизнеса». В одном из заявлений на ежегодной конференции промышленников он говорил: «Мне не нравится концентрация экономической власти. Мне не нравятся монополистические тенденции. Я не против частного сектора, но я против монополистических тенденций».

Возвращаясь снова к этой проблеме в народной палате парламента, Дж. Неру заявил: «Мы должны избегать и не допускать слишком большого сосредоточения богатств. Если этот дополнительный доход принесет пользу только пяти или десяти процентам населения, а девяносто процентам нет, то такой результат нехороший».

В своей речи на Джайпурской сессии Всеиндийского комитета партии Индийский национальный конгресс (ноябрь 1963 года) Джавахарлал Неру назвал монополии «врагами социализма», которые пытаются увести страну в сторону от построения «общества по социалистическому образцу».

Каковы же действительные позиции «большого бизнеса» в экономической и политической жизни современной Индии? Истории богатейших семей страны удивительно похожи одна на другую и сейчас читаются как детективный роман.

Почти сто лет назад выходец из семьи парсий-

ских священнослужителей Джамшед Нашурван Тата, уловив дыхание времени, решил порвать с традиционной профессией своих предков, чтобы целиком посвятить себя бизнесу. Джамшед Тата организует массовый вывоз опиума из Китая, занимается ростовщичеством и торгово-посреднической деятельностью, поставляет снаряжение для английской колониальной армии, пускается в крупные спекуляции хлопком.

Вскоре разбогатевший компрадор строит текстильные фабрики. Одной из них, сооруженной в Нагпуре, в центре хлопкового района и дешевой рабочей силы, было присвоено звучное имя «Эмприс миллз» («Фабрика императрицы») в честь английской королевы Виктории, носившей одновременно титул «императрицы Индии». На этом предприятии Дж. Тата применил «универсальную» систему выжимания пота: строил барак-казармы для текстильщиков, выплачивал «премии» за непрерывный выход на работу и трудовой стаж и даже создал «рабочее акционерное общество», выпускавшее акции по 18 рупий. Только в течение первых 50 лет своего существования «Эмприс миллз» принесла 92 миллиона рупий прибыли, что в 61,5 раза превысило первоначальный акционерный капитал компании.

С начала XX века Дж. Тата, владелец уже целого ряда крупных текстильных предприятий, обращает свои взоры на тяжелую промышленность и энергетику. Заручившись «технической помощью» американской сталелитейной корпорации «Кэрнеджи стил», а также миллионера Кеннеди, Тата сооружает в сердце бихарских джунглей первые доменные печи, которые быстро разрастаются в гигантский металлургический комбинат. Доходы нового предприятия превзошли самые оптимистические предположения. Оказавшись в годы первой мировой войны единственным производителем стали и чугуна в английских владениях бассейна Индийского океана, Тата получал заказы, которые давали компании завода ежегодную прибыль свыше 10 миллионов рупий. Деревушка, на месте которой был построен завод, была переименована в честь основателя фирмы в Джамшедпур, вокзал получил название Татанагар, центральный отель — «ТИСКО» («Тата айрон энд стил компани»).

Начав свой путь в мир «большого бизнеса» с ростовщичества и компрадорской деятельности, концерн «Тата» между двумя мировыми войнами наряду с группировками Бирлы, Далмии — Джайна, Хирачанда, Сингхании, Гоэнки обретает основные черты промышленно-банковского, монополистического капитализма. В этом смысле колониальная Индия оказалась единственным исключением, ибо ни в од-

ной другой экономически слаборазвитой стране местные монополии не возникали до завоевания политической независимости.

Но, несмотря на относительно быстрое становление местных монополий, в условиях колониального режима даже крупный национальный капитал имел весьма ограниченную сферу деятельности. Нарастающие противоречия с империализмом толкнули индийских монополистов в лагерь национально-освободительных сил, выступавших единым фронтом против чужеземного владычества. Двойственное положение национальной буржуазии, которая одновременно испытывала на себе колониальный гнет и в то же время сама выступала безжалостным эксплуататором трудящихся, давало «большому бизнесу» возможность более или менее умело маскировать свои узкоклассовые эгоистические цели.

17-летний путь развития суверенной Индии, сопровождавшийся почти непрерывным обострением противоречий между трудом и капиталом, довольно ясно обнажил классовую физиономию монополистической буржуазии, которая стремится почти единолично воспользоваться плодами национально-освободительной борьбы.

Хотя по сей день иностранный, и в первую очередь английский, капитал продолжает занимать важные позиции в экономике Индии, на первый план уже уверенно вышло национальное предпринимательство, цель которого — упрочить развитие капиталистических производственных отношений в стране. Как отметил Дж. Неру, при колониальном режиме «этот класс — буржуазия — чувствовал себя скованным и ограниченным в действиях. Он хотел расти и развиваться. Лишенный в условиях британского владычества такой возможности, он проникся духом бунтарства, однако этот дух не был направлен против системы, которая давила нас. Он пытался сохранить ее, овладеть ею, вытеснив англичан».

Действительно, консолидация индийской национальной буржуазии после завоевания независимости сопровождается особенным усилением ее верхней олигархической прослойки.

Если взять весь организованный частный сектор — плантации, производство, банковское дело, страхование, торговлю и т. п., — то выясняется, что только 50 индийских и иностранных крупных фирм и компаний, многие из которых тесно связаны друг с другом, контролируют не менее 70—80 процентов частнокапиталистического сектора. «Феноменальный рост корпоративного сектора в нашей стране, особенно в последние 15 лет, — пишет в этой связи индийский экономист Р. К. Нигама, — породил в своем развитии галактику гигантских акционерных компаний».

Столь высокая степень монополизации дала возможность крупному капиталу сосредоточить в своих руках сотни директорских постов в правлениях акционерных компаний и банков. По данным журнала «Социалист конгрессмен», 95 представителей «большого бизнеса» занимают от 10 до 20 директорских постов каждый, а 44 человека — по 21 директорскому посту и более.

Но даже внутри этой иерархической лестницы существует огромная разница в размерах богатства и влияния на экономическую и политическую жизнь страны. 11 монополистических групп — Тата, Бирла, Далмия, Сингхания и другие — захватили в свои руки свыше трети наиболее крупных промышленных компаний. Финансово-промышленная «империя» Таты контролировала в 1951 году 102 компании, а в

1958 — 120, под контролем Бирлы в 1951 году находилось 256 компаний, а в 1958 году — 298 компаний.

Монополистическая группировка Джагилала Камплапата контролирует 42 компании, представляющие почти все существующие в стране отрасли промышленности — от предприятий по изготовлению муки и растительного масла до металлообработки и химического производства. Группа Мафатлала распространяет свое влияние на 27 компаний в хлопчатобумажной, джутовой, сахарной промышленности, в производстве красителей. Группа Валчанда (24 компании) действует в сахарной промышленности, строительстве, судостроении, банковском деле, а группа Махиндры — почти исключительно в машиностроении, примыкающих к нему отраслях и в оптовой торговле.

Индийская буржуазная печать пытается представить акционерную форму капитала как некую разновидность «народного капитализма». Однако эта легенда совершенно лишена оснований. Например, в компании «Тата айрон энд стил» примерно половина акционеров имеет акции менее чем на тысячу рупий каждый, а 87 процентов — менее чем на пять тысяч рупий. Следовательно, основной пакет акций находится в руках горстки богатейших капиталистов, получающих львиную долю прибылей от нещадной эксплуатации наемного труда. Пот и страдания тысяч индийских рабочих чудодейственно превращались в массивные слитки драгоценного металла. Один буржуазный экономист, побывавший на шахтах Таты в 30-х годах, писал, что погрузка в этих мрачных и душных подземных казематах осуществлялась женщинами, которые несли руду из дальних забоев в корзинах на голове. На вопрос о том, почему на этой тяжелой работе не используется техника, директор предприятия ответил, что стоимость продовольственного рациона для работниц намного дешевле, чем топливо для подъемного крана.

История возвышения другой монополистической группировки — Бирлы, как две капли воды, напоминает семейную хронику олигархической группы Тата. Около ста лет назад «родоначальник нынешнего концерна Тривнарайн Бирла открыл на шумных и многоликих улицах Бомбея бойкую торговлю потребительскими товарами и драгоценными металлами. Но вскоре Т. Бирле показалось слишком тесно в Бомбее, и он переносит центр своей торгово-маклерской деятельности на другое побережье Индостана — в Калькутту. После первой мировой войны семейный клан Бирла — уже владелец целого ряда промышленных предприятий, а к концу второй мировой войны концерн, подчинив себе сотню новых акционерных компаний, выдвигается в число крупнейших монополистических групп страны. О том, на какие финансовые авантюры и махинации пускался этот магнат капитала, чтобы сколотить новые миллионы рупий, убедительно поведал Д. Берман в нашумевшей в свое время книге «Тайна дома Бирлы». Концерн совершал мошеннические манипуляции с балансами, создавал подставные компании, давал крупные взятки чиновникам, уклонялся от уплаты подоходного налога со всей суммы прибылей, заключал многочисленные незаконные сделки, приносившие баснословные барыши.

Но особенно стремительно группа Бирла богатеет после провозглашения независимости Индии. До 1947 года концерн обладал совокупным капиталом в 400 миллионов рупий, а ныне он уже контролирует свыше трех миллиардов рупий. Для концерна Бирлы так же, как и других крупнейших акционерных объединений Индии, характерно теснейшее переплетение вертикальной монополизации с

горизонтальной. Он правит сотнями промышленных предприятий в самых разнообразных отраслях народного хозяйства: текстильной, химической, автомобильной промышленности, банковском деле, страховании, металлообработке и т. д.

Можно без преувеличения сказать, что ни одна развивающаяся страна не знает ныче такой высокой степени концентрации частного капитала, как Индия.

Несмотря на проведение аграрных реформ, несколько ограничивших крупное землевладение, степень концентрации богатств в индийской деревне продолжает оставаться исключительно высокой. Бховани Сен в своей книге «Эволюция аграрных отношений в Индии» сообщает, что менее трех процентов сельскохозяйственного населения контролирует 30 процентов земельных площадей, а 82 процента крестьянских хозяйств владеет лишь 27 процентами земли. Десятки миллионов сельскохозяйственных рабочих нещадно эксплуатируются деревенской буржуазией.

Необычайно быстро растет концентрация частного капитала в банковском деле. За годы независимости Индии общее число банков сократилось вдвое, а принятые ими вклады, наоборот, возросли с 83 до 21,3 миллиарда рупий, то есть примерно в 2,5 раза. Командные позиции в финансовой области занимают пять крупнейших частнокапиталистических банков: «Бэнк оф Индия», «Сентрал бэнк оф Индия», «Бэнк оф Барода», «Панджаб нейшнл бэнк», «Юнайтед коммершл бэнк». «Промышленные объединения, такие, как Тата, Бирла, Саху — Джайн, — пишет известный индийский экономист доктор Гьян Чанд, — контролируют эти крупнейшие банки и, кроме того, пользуются значительно большими преимуществами в финансировании своих собственных промышленных предприятий... Поскольку промышленные магнаты, контролирующие деятельность этих банков, по-видимому, не внесли и десятой части общего капитала банков, ресурсы, которые они контролируют и которыми они оперируют, в 400 или 500 раз превосходят их собственный вклад в фонды этих банков. Они создали также резервы в 310 миллионов рупий из нераспределенных прибылей этих кредитных учреждений. Иными словами, банкиры захватили контроль над кредитными ресурсами страны, которые во много раз превышают их собственные капиталовложения и которыми они пользуются для создания колоссальных империй в области торговли, промышленности и финансов».

Быстрое углубление социальной пропасти между бедностью и богатством, роскошью и нищетой глубоко волнует прогрессивные силы страны.

Широкий резонанс получил в Индии доклад известного индийского экономиста доктора Р. К. Хазари об изучении деятельности 1079 крупнейших компаний частного сектора, представленный недавно плановой комиссией Индии. Ученый пришел к следующим выводам: экономическое развитие страны сопровождается усиленным ростом монополистического капитала; частнокапиталистический сектор развивается быстрее государственного, госсектор создает благоприятные условия для деятельности монополий, обеспечивая их оборудованием, сырьем, полуфабрикатами; прибыли монополий только в течение второго пятилетнего плана возросли на 68 процентов.

К аналогичному выводу пришла комиссия под председательством профессора Махаланобиса, которая установила, что в результате непрерывной и все нарастающей концентрации экономической вла-

сти и средств производства, происходившей в период первых пятилетних планов, основная масса населения страны не могла воспользоваться плодами достигнутого в эти годы экономического прогресса.

Согласно данным индийской печати, на долю 10 процентов белнейших слоев населения приходится лишь 1,3 процента всех доходов народа, а на долю 10 процентов привилегированной элиты — свыше 40 процентов. Колоссальные богатства сохраняют в своих руках бывшие феодальные правители княжеств. Лишение раджей и магараджей политической власти компенсировалось сказочным материальным вознаграждением. Так, бывший магараджа Джайпура получает ежегодную пенсию в размере 1800 тысяч рупий, магараджа Бароды — 2650 тысяч рупий, а бывший низам Хайдарабада — пять миллионов, или около 140 тысяч рупий в день. В целом из государственной казны на выплату пенсий бывшим князьям уплывает огромная сумма — свыше 58 миллионов рупий. Для сравнения заметим, что значительная часть индийских рабочих зарабатывает ежедневно не более одной рупии.

В то время как страна испытывает острую нехватку средств на нужды экономического развития, в белокаменных дворцах бывших раджей и магараджей собраны огромные сокровища — драгоценные камни, слитки золота и серебра. Только состояние бывшего низама Хайдарабада оценивается в пять миллиардов долларов, что приблизительно соответствует общим потребностям Индии в иностранной валюте на закупку промышленного оборудования и других дефицитных товаров в период третьего пятилетнего плана.

Вопреки утверждениям буржуазной печати, Индия вовсе не «бедная страна», а страна ужасной нищеты на одном полюсе и сказочного богатства — на другом. Известный индийский ученый, доктор Б. Н. Сен заявил в Национальном клубе печати в Вашингтоне в июне 1963 года, что в Индии от постоянного недоедания страдает приблизительно 60 процентов населения. «Национальная катастрофа», «ужасная трагедия» — так буржуазные газеты «Таймс оф Индия» и «Индиан экспресс» комментировали эти страшные цифры.

Рост имущественного неравенства отмечают в последнее время и другие органы индийской печати. Бомбейский еженедельник «Блиц» в корреспонденции о бедственном положении трудящихся Калькутты пишет: «Повсюду в Калькутте вы увидите отчаянный контраст между богатством и бедностью: немногие счастливыцы богатеют, в то время как остальная масса людей опускается на дно ужасающей нищеты».

Автор статьи рассказывает о полнейшем безразличии денежных тузов к страданиям масс. Один капиталист в беседе с корреспондентом воскликнул: «Бедные? Они всегда были и будут в Индии. Если за одну ночь уничтожить их 25 миллионов, все мы чувствовали бы себя намного лучше».

Законы капиталистических джунглей поистине неумолимы. Для миллионов индийских трудящихся, приналежащих к различным слоям общества, исповедующих различные религии, говорящих на различных языках и обитающих на обширной территории от Гималаев до мыса Коморин, от побережья Аравийского моря до равнин Бенгалии, становится все яснее непреложная истина: труд и капитал — антиподы.

(Окончание следует)